

Джон Диксон Карр

ЗАГАДКА
КРАСНОЙ ВДОВЫ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE PLAGUE COURT MURDERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934
THE WHITE PRIORY MURDERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934
THE RED WIDOW MURDERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1935
All rights reserved

Перевод с английского
Игоря Куберского, Анастасии Липинской, Сергея Самуйлова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. Ю. Куберский, перевод, 2024
© А. А. Липинская, перевод, 2024
© С. Н. Самуйлов, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25477-0

УБИЙСТВА
В ЧУМНОМ ДВОРЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Старина Мерривейл, этот пронизательный и словоохотливый чурбан, сидящий в Военном министерстве, закинув ноги на стол, снова бубнил, чтобы кто-нибудь написал историю убийств в Чумном дворе; главным образом, как полагают, для того чтобы прославиться. В наши дни ему явно не хватает славы. Его отдел перестал называться службой контрразведки, отойдя просто к Министерству внутренних дел, и работать тут не опасней, чем фотографировать памятник Нельсону.

Я объяснил ему, что никто из нас не имеет никакого отношения к полиции и что, поскольку я уволился с его службы еще несколько лет назад, мне даже не нужно оправдываться. Кроме того, нашему другу Мастерсу — ныне главному инспектору Департамента уголовного розыска — это может не понравиться. Таким образом меня и втянули в этот покер, дабы уяснить, кто же возьмется за перо — я или кто-то другой. Не помню насчет другого — но во всяком случае это был не сэр Генри Мерривейл.

Моя собственная связь с этим делом началась дождливым вечером 6 сентября 1930 года, когда Дин Холлидей вошел в курительную комнату клуба «Крестики-нолики» и сделал свои поразительные заявления. И следует подчеркнуть один факт. Если бы не череда смертей, которые преследовали всю его семью — смерть Джеймса тому подтверждение, — или, возможно, не приступы запоя у Дина в бытность в Канаде, он никогда бы не дошел до опасного нервного срыва. В клубе это был жилистый и энергичный мужчина с песочного цвета усами, молоджавым лицом и рыжеватыми волосами, под тяжелым лбом — сардонические глаза. И все же неизменно чувствовалось, что на нем лежит какая-то тень, какая-то метка из прошлого. Однажды, в одной из непринужденных дискуссий, кто-то разгла-

гольствовал перед нами о новейших научных терминах для обозначения безумия; и Холлидей внезапно заявил, прервав разговор: «Разве о нем что-нибудь известно наверняка? Вот мой брат Джеймс теперь...» — И он рассмеялся.

Я был знаком с ним еще до того, как мы подружились. Мы обычно заводили непринужденную беседу в курительной комнате клуба. То, что я знал о Холлидее — а мы никогда не говорили о личных делах, — было почерпнуто мной у моей сестры, которая оказалась хорошо знакома с леди Беннинг, его теткой.

Выяснилось, что он был младшим сыном импортера чая, который разбогател настолько, что мог отказаться от своего статуса и заявить, что его фирма слишком стара для такого рода занятий. У старика, отца Дина, были бакенбарды и нос как у индюка. Он был достаточно суров со своими коллегами, но довольно снисходителен к своим сыновьям. Однако настоящим главой семьи была леди Беннинг, его сестра.

Дин прошел через несколько этапов возмужания. До войны он был одним из обычных студентов Кембриджа. Потом началась война. Как и многие другие, этот разгильдяй внезапно стал на удивление хорошим солдатом. Он уволился из армии с огнестрельным ранением и множеством осколков внутри, а потом начался настоящий ад. Случилась неприятность — на него подала в суд некая сомнительного происхождения особа за нарушение им определенного рода обещаний. Семейные портреты перекосило от ужаса, и в счастливых традициях британского оптимизма, согласно которым от дурных привычек лучше всего избавляться на чужбине, Дина отправили в Канаду.

Тем временем после смерти старика его брат унаследовал компанию «Холлидей и сын». Брат Джеймс был любимцем леди Беннинг — Джеймс то, Джеймс се, Джеймс образец мягкой прямолинейности и аккуратности... Правда заключалась в том, что Джеймс был испорченным маленьким хлыщом. Обычно он отправлялся в якобы деловые поездки и по две недели безмолвно валялся, одурманенный, в публичных домах, а затем тихо возвращался на Ланкастер-Гейт, снова причесанный и смиренно жалующийся на свое здоровье. Я отчасти знал его — улыбчивый человек, всегда слегка вспотевший, неспособный долго усидеть на стуле. Все это, возможно, сошло бы ему с рук,

если бы не то, что он называл своей совестью. Вскоре эта совесть одолела его. Однажды вечером он вернулся домой и застрелился.

Леди Беннинг была убита горем. Ей никогда не нравился Дин — я думаю, вполне вероятно, что каким-то непонятным образом она считала его ответственным за смерть Джеймса, — но теперь было необходимо отозвать его как главу семьи из девятилетнего изгнания.

Он образумился, но в нем все еще сидел прежний черт, составлявший ему по части юмора неплохую, но довольно опасную компанию. Он повидал людей и места. Научился на многое смотреть сквозь пальцы. Кроме того, в нем чувствовались свежая жизненная сила и откровенность, которые, видимо, нарушили сонную атмосферу Ланкастер-Гейт. У него была приятная усмешка. Он очень любил пиво, детективные рассказы и покер. Во всяком случае, казалось, что у вернувшегося блудного сына все шло хорошо; но я думаю, что он был одинок.

Потом что-то произошло — более чем неожиданно, потому что незадолго до этого я услышал от своей сестры, что, как «предполагалось», он помолвлен и собирается жениться. Упомянув имя девушки — Мэрион Латимер, — моя сестра оживила вечер, по-тарзаньи быстро облазив ее генеалогическое древо. Когда все его ветки были протестированы, моя сестра мрачно улыбнулась, зловеще посмотрела на канарейку и сказала: мол, надеюсь, все обойдется.

Но что-то произошло. Холлидей был одним из тех, кто всегда окружен собственной аурой. Мы почувствовали перемену в клубе, хотя он общался с нами как обычно. Никто и словом не обмолвился об этом; Холлидей бросал на нас пронзительные взгляды и изображал из себя весельчака, но он явно был чем-то смущен. Что-то было не так с его смехом. Тасуя карты, он иногда просыпал их на стол, поскольку не следил за ними. Так продолжалось неделю или две, и это все выглядело не очень-то приятно. Затем он вообще перестал приходить.

Однажды вечером после ужина я коротал время в курительной комнате. Я только что заказал кофе и погрузился в одно из тех вязких болот скуки, когда окружающие кажутся на одно лицо. Шел дождь, и большая, обитая коричневой ко-

жей курительная комната была пуста. Тупо уставившись в газету, я праздно сидел у камина, когда вошел Дин Холлидей.

Что-то в его походке заставило меня немного приподняться. Он неуверенно огляделся и остановился.

— Привет, Блейк, — сказал он и сел поодаль.

Мы оба испытывали неловкость от молчания. То, что было у него на уме, витало в воздухе, ощущалось повсюду, было таким же осязаемым, как огонь, на который он смотрел. Он хотел меня о чем-то спросить, но не решался. Я заметил, что его ботинки и края брюк были заляпаны грязью, как будто он долго шел пешком. Казалось, он не замечал, что зажата в пальцах сигарета уже погасла. Теперь на его лице не осталось и следа от прежнего юмористического настроения.

Я смял свою газету. Вспоминая об этом впоследствии, полагаю, что именно тогда мой взгляд упал на небольшой заголовок внизу первой полосы: «СТРАННАЯ КРАЖА В...», но в тот момент я не обратил на это внимания.

Холлидей расправил плечи и совершенно неожиданно поднял голову.

— Послушай, Блейк, — торопливо сказал он. — Я считаю тебя довольно разумным парнем...

— Ну так что там у тебя случилось? — спросил я.

— А... — Он откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на меня. — Только если ты не примешь меня за безмозглое трепло. Или за болтливую старуху. Или...

Когда я покачал головой, он нетерпеливо махнул рукой:

— Подожди, Блейк. Подожди немного. Прежде чем я расскажу тебе об этом, позволь узнать, готов ли ты помочь мне в деле, которое иначе как идиотским не назовешь. Я хочу, чтобы ты...

— Продолжай.

— ...провел ночь в доме с привидениями.

— Что в этом идиотского? — спросил я.

Он хмыкнул:

— На такое начало я и не надеялся! Короче, не хотелось, чтобы ты посчитал меня сумасшедшим. Видишь ли, меня не интересует это чертово дело, во всяком случае не интересовало. Они могут вернуться, а могут и не вернуться. Я не знаю.

Все, что я знаю, это что если все будет продолжаться в том же духе, то — я не преувеличиваю — двумя жизнями на этом свете станет меньше.

Затем он сник и, глядя на огонь, заговорил каким-то отрешенным голосом:

— Видишь ли, месяцев шесть назад все это показалось бы диким абсурдом. Я знал, что тетушка Энн собиралась к медиуму или к медиумам. Я знал, что она убедила Мэрион пойти с ней. Что ж, черт возьми, я не вижу в этом ничего плохого. — Он поерзал на стуле. — Полагаю, если я и подумал тогда об этом, в чем не уверен, то не более как о чудачестве, вроде игры в пазлы. Я, конечно, предполагал, что Мэрион при этом, по крайней мере, сохранит свое чувство юмора... — Он поднял глаза. — Скажи, Блейк, ты веришь в спиритизм?

Я сказал, что всегда буду готов принять весомые доказательства его существования, но пока что с этим ни разу не сталкивался.

— Интересно, — задумчиво произнес он. — Весомые доказательства. Ха. И все-таки, что это за чертовщина? — Короткие пряди его каштановых волос упали на лоб; глаза были полны горячего недоуменного гнева; скулы напряглись. — Думаю, что этот человек — шарлатан. Ну да ладно. Но я сам пошел в богом забытый дом, один — там больше никого не было, никто не знал, что я пойду. — Он помолчал. — Послушай, Блейк. Я мог бы рассказать тебе всю историю целиком, если ты не против. Я не хочу, чтобы ты оставался в неведении. Но я бы предпочел, чтобы ты ни о чем не спрашивал. Я хочу, чтобы ты отправился со мной сегодня вечером в один дом в Лондоне и сказал мне, видишь ли ты или слышишь что-нибудь такое... А если что-то увидишь или услышишь, сможешь ли объяснить это естественными причинами. Попасть в этот дом не составит никакого труда. На самом деле, он принадлежит нашей семье... Пойдешь со мной?

— Да. Значит, ты ждешь какого-то трюка?

Холлидей покачал головой:

— Я не знаю. Но не могу выразить словами, как я был бы тебе благодарен. Полагаю, у тебя нет никакого опыта в таких делах? Старый пустой дом, какие-то вещи... Боже милостивый, если бы я только знал побольше людей! Если бы мы могли

взять с собой кого-нибудь, кто был бы в курсе всех этих трюков... Над чем ты смеешься?

— Тебе нужно хорошенько выпить чего-нибудь крепкого. Я не смеялся. Я просто подумал, что у меня есть один человек, если ты, конечно, не будешь возражать...

— Возражать?

— Детектив-инспектор из Скотленд-Ярда.

Холлидей напрягся:

— Ну, это чушь. Меньше всего я хотел бы, чтобы в этом деле была замешана полиция. Забудь об этом, говорю тебе! Мэрион никогда бы мне этого не простила.

— Да пойми, он был бы в качестве неофициального лица. Для Мастерса это скорее хобби.

Я снова улыбнулся, подумав о невозмутимом Мастерсе, Мастерсе — охотнике на призраков, большом, крепком, вежливым человеке, который был обходителен, как карточный шулер, и циничен, как Гудини¹. Во время спиритического поветрия, охватившего Англию после войны, он был сержантом-детективом и занимался главным образом разоблачением фальшивых медиумов. С тех пор его интерес перерос (что простиительно) в хобби. В мастерской своего маленького домика в Хэмпстеде, окруженный любящим потомством, он изготавливал хитроумные приспособления для салонной магии и в целом был очень доволен собой.

Я объяснил все это Холлидею. Сначала он задумался, взъерошив волосы на висках. Затем повернул ко мне раскрасневшееся мрачное лицо, выражающее явное нетерпение.

— Да ради бога, Блейк, возьми его, если получится!.. Только пойми, что нам сейчас не до медиумов — мы всего лишь отправляемся вроде как в дом с привидениями...

— Кто сказал, что там водятся привидения?

Наступила пауза. За окнами было слышно, как перебивают друг друга пронзительные автомобильные гудки.

— Я сказал, — тихо ответил он. — Ты можешь немедленно связаться с этим парнем?

¹ Гарри Гудини (1874–1926) — американский иллюзионист, филантроп и актер. Прославился разоблачением шарлатанов и сложными трюками с побегими и освобождениями.

— Я позвоню ему. — Я встал, засовывая газету в карман. — Знаешь, мне придется рассказать ему кое-что о том, куда мы направляемся.

— Рассказывай ему что угодно. Да, вот что... Скажи ему... Если он что-нибудь знает о лондонских привидениях, — мрачно усмехнулся Холлидей, — просто скажи ему, что это дом в Чумном дворе. Это будет для него приманкой.

Дом в Чумном дворе! Когда я вышел в вестибюль и подошел к телефону, во мне шевельнулось какое-то смутное воспоминание, но не более того.

Неторопливо звучавший в телефонной трубке низкий голос Мастера излучал приятное здравомыслие.

— Да! — сказал он. — Да, сэръ! Как у тебя дела? Не виделись целую вечность. Ну, что там у тебя?

— Кое-что интересное, — сказал я после обмена любезностями. — Предлагаю отправиться на охоту за привидениями. Сегодня вечером, если у тебя получится.

— Хм! — откликнулся ничуть не удивленный Мастерс, как будто я пригласил его в театр. — Знаешь, это мое слабое место. Так что если я пригожусь... Так в чем там дело? Куда нам следует отправиться?

— Мне было поручено сообщить тебе, что это дом в Чумном дворе. Что бы это ни значило.

— Чумной двор! Ты уже что-то узнал? — довольно бесцеремонно осведомился Мастерс. Теперь его голос звучал на редкость профессионально. — Это как-то связано с тем делом в Лондонском музее?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Мастерс. Какое, черт возьми, отношение имеет к этому Лондонский музей? Все, что я знаю, — это что мой друг хочет, чтобы я сегодня вечером исследовал дом с привидениями и, если это возможно, привел с собой опытного охотника за призраками. Если ты приедешь сюда, я расскажу тебе все, что знаю. Но Лондонский музей...

Еще одна заминка, затем Мастерс прищелкнул языком:

— Значит, ты не читал сегодняшнюю газету? Нет? Что ж, почитай. Найди отчет о деле в Лондонском музее и попробуй сделать выводы. Мы думали, что «повернувшийся спиной худощавый мужчина», возможно, был плодом чьего-то воображения. Но возможно, это было не так. ...Да, я успею на метро —

ты говоришь из «Крестиков-ноликов»? Отлично! Встретимся там через час. Мне не нравится это дело, мистер Блейк. Мне это совсем не нравится. До встречи.

Мои пенни звякнули в телефонной трубке и исчезли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Час спустя, когда портъе вошел сообщить, что Мастерс ждет нас в комнате для посетителей, мы с Холлидеем все еще обсуждали ту заметку, что пропустили в утренней газете. Это была одна из серии статей на актуальные темы, озаглавленная «Сегодняшняя странная история — № 12».

СТРАННАЯ КРАЖА В ЛОНДОНСКОМ МУЗЕЕ

Оружие, пропавшее из Камеры смертников

Кто был этот «повернувшийся спиной худощавый мужчина»?

Вчера днем в Лондонском музее, Ланкастер-хаус, Стейбл-ярд, Сент-Джеймс, произошла одна из тех краж реликвий, которые иногда совершают любители сувениров; но в данном случае обстоятельства были необычными, озадачивающими и вызвали некоторые опасения.

История кровопролитий и злодейств окружает многие экспонаты в подвале этого знаменитого музея, где выставлены макеты Старого Лондона работы Торпа.

В одном большом помещении, используемом в основном для демонстрации тюремных реликвий, находится модель камеры в натуральную величину для осужденных в Олд-Ньюгейтской тюрьме, сделанная из железных прутьев и досок первоначальной камеры. На стене, без этикетки, висело то, что описывается как стальной кинжал грубой работы длиной около восьми дюймов, с корявым щитком и костяной рукояткой, на которой были вырезаны буквы Л. П. Он исчез вчера между тремя и четырьмя часами пополудни. Никто не видел вора.

Наш корреспондент побывал там и признается, что был поражен реалистичностью камеры смертников. Вся комната достаточно мрачная — низкая и тускло освещенная. Здесь находится оригинальная решетчатая дверь Ньюгейта, с увесистыми

ржавыми засовами, привезенная сюда в 1903 году. Здесь есть ручные и ножные кандалы, огромные проржавевшие ключи и замки, железные клетки, орудия пыток. На одной из стен в аккуратных рамках висят афиши и популярные газетные полосы, посвященные казням за несколько предыдущих столетий, — все на черном фоне, с размытым шрифтом, с ужасными гравюрами на дереве, изображающими кровавые расправы, и с благочестивым резюме: «Боже, храни короля».

Камера смертников, встроенная в один из углов помещения, не для детского восприятия. Я уже не говорю о настоящем «тюремном запахе», который, кажется, витает в ней; о настоящем ужасе и отчаянии, которыми веет от этой гнилой дыры. Но я хочу поздравить художника, создавшего эту восковую, со сморщенным лицом фигуру в лохмотьях, которая, кажется, встает с кровати, когда вы заглядываете внутрь.

Однако бывшего сержанта Паркера, который проработал здесь смотрителем одиннадцать лет, все это не волнует. И вот что он рассказывает:

— Это было около трех часов дня. Вчера был День открытых дверей, и в музей пришло много детей. Я слышал, как их компания довольно шумно проходила по соседним комнатам. Я сидел у окна, на некотором расстоянии от камеры, и просматривал газету. День был пасмурный, туманный, с плохим освещением. Я полагал, что в моем помещении больше никого не было.

Затем у сержанта Паркера возникло «странное чувство», как он объяснил. Он поднял глаза. Ведь он был уверен, что здесь никого нет, но...

— Вон там, у двери камеры, спиной ко мне стоял джентльмен и заглядывал внутрь. Я не могу описать его, за исключением того, что он был очень худым и одет во все темное. Он двигал головой медленно и как бы рывками, будто хотел хорошенько рассмотреть камеру, но у него болела шея. Я удивился, как он оказался там, а я ничего не услышал, вероятно, он вошел через другую дверь. Я снова вернулся к чтению газеты. Но странное чувство не отпускало меня, поэтому я на всякий случай, как раз перед тем, как вошли все дети, встал и сам заглянул в камеру. Сначала я не мог понять, в чем дело, а потом до меня дошло: того ножа, который висел над восковой фигу-

рой, не было. Мужчина, конечно, исчез, понятно, что с ножом, и я сообщил об этом.

Сэр Ричард Мид-Браун, куратор музея, позже дал комментарий: «Я надеюсь, что вы передадите через вашу газету просьбу оказать содействие, дабы прекратить акты вандализма в отношении ценных музейных реликвий».

По словам сэра Ричарда, кинжал числился в списке подарков Дж. Дж. Холлидея, эсквайра, и был найден в 1904 году на территории его земельных владений. Предполагается, что кинжал принадлежал некоему Льюису Плейджу, служившему помощником палача в городке Тайберн в 1663–1665 годах. Однако, поскольку подлинность данного предмета не была установлена, он никогда не выставлялся как экспонат.

По заявлению сержанта Макдоннелла из детективного отдела полиции с Вайн-стрит, никаких следов похитителя так и не удалось обнаружить.

По мне, если хотите, это был дешевый журналистский трюк, дабы высосанным из пальца репортажем оживить скучный день. Сначала я прочел этот отчет после звонка Мастерсу, стоя в вестибюле клуба, а потом подумал, имеет ли смысл показывать его Холлидею.

Но, вернувшись в курительную комнату, я сунул ему в руки газету и наблюдал за выражением его лица, пока он читал этот репортаж.

— Спокойно! — сказал я, потому что по мере того, как он читал, лицо его принимало разные выражения и на нем стали проступать веснушки. Затем он неуверенно поднялся, мельком глянул на меня и швырнул газету в огонь.

— О, все в порядке, — ответил он. — Не беспокойся. Это только разгружает мои мысли. В конце концов, это всего лишь человек, разве не так? Меня взволновало кое-что другое. За всем этим стоит Дарворт, медиум, и весь план, каким бы он ни был, в любом случае дело рук человеческих. Но предположение, содержащееся в этой чертовой статье, абсурдно. Что автор пытается сказать? Что Льюис Плейдж вернулся за своим собственным ножом?

— Мастерс едет, — сказал я. — Тебе не кажется, что было бы лучше, если бы ты немного просветил нас?

Он с силой сжал челюсти.

— Нет. Ты мне дал обещание, так что изволь сдержать его. Пока я тебе ничего не скажу. Когда мы отправимся в это адское место, я заеду домой и покажу тебе кое-что, что многое объяснит. Но я не хочу, чтобы ты увидел это сейчас... Скажи-ка мне. Считается, что душа на низшем плане, злобная душа, всегда настороже и всегда коварна. Что этот конгломерат смертельного зла только и ждет возможности завладеть живым телом и заменить слабый разум своим собственным, подобно тому, как оно наполняет собой дом. То есть не кажется ли тебе, что этот сгусток мог завладеть?..

Он замолчал. Я все еще вижу, как он стоит в свете камина, со странной осуждающей улыбкой на лице, но со свирепым взглядом карих, с красноватым отблеском, глаз.

— Ты несешь чушь, — резко сказал я. — И ты запутался в своих фактах. Завладеть! Кем или чем именно?

— Мной, — тихо ответил Холлидей.

Я сказал, что ему нужен не ловец призраков, а специалист по нервным болезням. Потом я потащил его в бар, где он проглотил пару порций виски. Он присмирел — им даже овладело что-то вроде злобного веселья. Когда мы опять и опять возвращались к газетной статье, он снова казался прежним — таким ленивым весельчаком.

И все же было облегчением увидеть Мастерса. Он стоял в комнате для посетителей: крупный и довольно дородный, с приветливым умным лицом, в пальто спокойных темных тонов и с котелком, прижатым к груди, как будто он наблюдал за церемонией поднятия государственного флага. Его седеющие волосы были тщательно зачесаны, чтобы прикрыть лысину, подбородок отяжелел, а лицо постарело с тех пор, как мы виделись в последний раз, но глаза оставались молодыми. В Мастерсе чувствовалась сила. Она проявлялась в его походке, в том, как он резко переводил взгляд с одного собеседника на другого. Однако на его лице не было той кислой мины, которая столь характерна для наших общественных защитников. Я видел, что Холлидей сразу же расслабился и почувствовал себя непринужденно в присутствии солидного, уверенного в себе человека.

— Так это вы, сэр, — с улыбкой сказал тот Холлидею после представления, — хотите завалить призрака? — Говорил он

так, как будто его попросили установить радиоточку. — Мистер Блейк подтвердит, что мне это интересно. И всегда было интересно. Теперь об этом доме в Чумном дворе...

— Я вижу, вы все об этом знаете, — сказал Холлидей.

— Ну нет, — сказал Мастерс, склонив голову набок, — только кое-что. Дайте подумать. Дом перешел в собственность вашей семьи сто с лишним лет назад. Ваш дед жил там до семидесятых годов прошлого века, затем он совершенно неожиданно съехал и отказался возвращаться... И с тех пор это был белый слон или чемодан без ручки, то есть дом, который никто из ваших предков никогда не мог сдать в аренду или продать. Налоги, сэр, налоги! Ничего хорошего. — Настроение Мастерса, казалось, изменилось — плавно, но убедительно и необратимо. — А теперь, мистер Холлидей, за дело! Вам остается признать, что я в силах вам немного помочь. Так что думаю, вы не будете возражать, чтобы отплатить мне тем же. Строго неофициально, конечно. Да?

— Все зависит от обстоятельств. Но я думаю, что с моей стороны не будет возражений.

— Вот именно, вот именно. Как я понимаю, вы читали сегодняшнюю газету?

— А!.. — усмехнувшись, пробормотал Холлидей. — Возвращение Луи Плейджа, вы это имеете в виду?

Инспектор Мастерс вежливо улыбнулся в ответ и сказал, понизив голос:

— Ну а теперь не могли бы вы вспомнить кого-нибудь — возможно, кого-нибудь из ваших знакомых — любого реального человека из плоти и крови, кто мог бы быть заинтересован заполучить этот кинжал? Это мой вопрос как мужчины мужчине, мистер Холлидей. Вы поняли?

— Это идея, — признался Холлидей. Присев на край стола, он, казалось, что-то обдумывал. Затем вдохновенно и проникновенно посмотрел на Мастерса. — Прежде всего, я задам вам встречный вопрос, инспектор. Вам известен некто Роджер Дарворт?

Ни один мускул не дрогнул в лице Мастерса.

— Возможно, вы сами его знаете, мистер Холлидей?

— Да, но не так близко, как моя тетушка, леди Беннинг. Или как мисс Мэрион Латимер, моя невеста, или как ее брат, или

как старина Физертон. Круг его знакомых. Лично я категорически настроен против Дарворта. Но что я могу сделать? С ними не поспоришь; они только мило тебе улыбаются и говорят, что ты не прав. — Он закурил сигарету и погасил спичку — сардоническое выражение исказило его лицо. — Я только хотел спросить, не знал ли, случайно, Скотленд-Ярд что-нибудь о нем? Или об этом его рыжеволосом парнишке?

Собеседники молча обменялись понимающими взглядами. После чего Мастерс осторожно ответил:

— У нас нет абсолютно ничего против мистера Дарворта. Вообще ничего. Я встречался с ним: очень любезный джентльмен. Очень дружелюбный, ничего показного. Ничего лишнего, если вы понимаете, что я имею в виду...

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — согласился Холлидей. — И правда, в наиболее экстатические моменты этот старый шарлатан кажется тетушке Энн «похожим на святого».

— Вот как, — кивнул Мастерс. — И все же скажите мне. Хм! Извините за неделкатные вопросы и все такое, но не кажется ли вам, что эти ваши леди слишком того... кхе-кхе?

— Легковерны? — по-своему истолковал Холлидей странные звуки, которые Мастерс извлек из темных глубин своей гортани. — Боже милостивый, нет! Совсем наоборот. Тетушка Энн — одна из тех старушенций, которые выглядят мягкими, а на самом деле — это кремьень. А Мэрион... Ну, видите ли, Мэрион — это Мэрион.

— Именно так, — снова кивнув, согласился Мастерс.

Биг-Бен пробил полчаса, когда швейцар вызвал нам такси, и Холлидей велел ехать на Парк-лейн — ему надо было кое-что забрать из своей квартиры. Было холодно, и все еще шел дождь. Черные улицы сверкали раздробленными отблесками огней.

Вскоре мы остановились у одного из выросших среди респектабельного Парк-лейн новых многоквартирных домов из белого камня, с зеленой и никелевой отделкой (которые почему-то похожи на книжные шкафы в стиле модерн). Я вышел и принялся расхаживать взад-вперед под ярко освещенным навесом, в то время как Холлидей поспешил внутрь. Темный парк дышал дождем, и — не знаю, как это лучше выразить, — лица казались нереальными. Перед глазами стоял тот тошнотворный

образ, который был описан в газете: худой плешивый мужчина, повернувшийся спиной, вглядывающийся в условную камеру смертников и медленнодвигающийся головой. Человек тот казался тем более ужасным, что служащий назвал его «джентльменом». Когда Холлидей похлопал меня сзади по плечу, я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Он сунул мне в руки плоский пакет, завернутый в коричневую бумагу и перевязанный шпагатом.

— Не открывай его сейчас. Здесь кое-что, возможно, касающееся того самого Льюиса Плейджа, — сказал он.

На нем был застегнутый на все пуговицы тонкий непромокаемый плащ, который Холлидей носил в любую погоду, на один глаз была надвинута шляпа. На лице играла улыбка. Он дал мне мощный фонарик; Мастерс уже был снабжен таким же. Когда он забрался в кабину рядом со мной, в меня уперлось что-то твердое, лежащее в его боковом кармане. Я подумал, что это еще один фонарик, но ошибся — это был револьвер.

Когда находишься в Вест-Энде, легко разглагольствовать о всяких там ужасах, но, честное слово, мне было не по себе, когда мы ехали по улицам среди рассеянных огней. Шины сонно шуршали по мокрому асфальту, и я почувствовал, что должен поговорить.

— Ты мне ни слова не сказал о Льюисе Плейдже, — начал я. — Но полагаю, что было бы нетрудно восстановить его историю по сообщению в газете.

Мастерс только хмыкнул, и Холлидей пробормотал:

— Ну-ка?

— Обычная история, — сказал я. — Льюис был палачом, и его боялись. Нож, скажем так, был тем самым, которым он резал своих клиентов... Как тебе такое для начала?

— Получается, что ты по обоим пунктам не прав, — категорично ответил Холлидей. — Я не против того, чтобы все было так просто и обыденно. И вообще, что такое ужас? Что это за штука, на которую ты натыкаешься внезапно, как будто открыл дверь, и у тебя начинает кружиться голова, холодеет в животе и хочется бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого? Но ты никуда не можешь убежать на своих ватных ногах и...

— Продолжайте! — хрипло сказал Мастерс из своего угла. — Похоже, вы действительно что-то видели.

— Видел.

— О! Так вот оно. И что он делал, мистер Холлидей?

— Ничего. Это нечто просто стояло у окна и смотрело на меня... Но ты, Блейк, говорил о Льюисе Плейдже. Он не был палачом. Для этого у него была кишка тонка, хотя думаю, что иногда он по команде палача дергал за ноги повешенных, если они слишком долго корчились в петле. Он был кем-то вроде подручного и держал инструменты, когда дело касалось четвертования, а потом мыл и убирал за палачом и его жертвами.

У меня пересохло в горле. Холлидей повернулся ко мне:

— Ты ошибся насчет кинжала. Видишь ли, это был не совсем кинжал; по крайней мере он не использовался как кинжал. Льюис изобрел его для работы палача. В газетной заметке не описывалось лезвие: оно круглое, толщиной примерно с грифельный карандаш и с острым концом. Короче говоря, как шило. Ну, ты можешь себе представить, для чего использовался такой кинжал?

— Нет.

Такси замедлило ход и остановилось, и Холлидей рассмеялся. Отодвинув стеклянную перегородку, водитель сказал:

— Угол Ньюгейт-стрит, шеф. Что дальше?

Мы расплатились с ним и постояли минуту или две, оглядываясь по сторонам. Все здания вокруг казались призрачными, как это бывает во сне. Далеко позади нас виднелось туманное свечение Холборнского виадука — оттуда доносился только слабый гул ночного транспорта, смешиваясь с шумом дождя. Холлидей зашагал впереди по Гилтспер-стрит. Не заметив, как мы свернули с улицы в проулок, я обнаружил, что иду по узкому и грязному проходу между кирпичными стенами.

Это называется клаустрофобией или еще каким-то причудливым словом, но человеку нравится быть зажатым в узком пространстве, только если он знает, зачем это ему нужно. Иногда вам кажется, что вы слышите чей-то голос, и именно это тогда и произошло. Холлидей резко остановился в этом плотном туннеле — он был впереди, я следовал за ним, а Мастерс шел последним, — и мы все замерли, прислушиваясь.

Карр Дж.

К 26 Загадка Красной Вдовы : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. И. Куберского, А. Липинской, С. Самуйлова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25477-0

Золотой век детектива оставил немало звездных имен — А. Кристи, Г. К. Честертон, Г. Митчелл и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. «Убийство в запертой комнате», где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, — излюбленный сюжет автора. Карр вовлекает читателя в искусную игру, заманивая в сети ловко расставленных ловушек, ложных подсказок, обманных ходов и тонких намеков, и предлагает принять участие в решении хитроумной головоломки.

В настоящем сборнике представлены романы «Убийства в Чумном дворе», «Убийства в Белом Монастыре» и «Загадка Красной Вдовы», которые были написаны в 1930-е годы под псевдонимом Картер Диксон и открывают серию книг о великолепном сэре Генри Мерривейле — обаятельном, эксцентричном, взбалмошном толстяке, ставшем, по признанию критиков, одним из самых неординарных сыщиков в детективной литературе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ЗАГАДКА КРАСНОЙ ВДОВЫ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Редактор Ирина Стефанович
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Гузель Зайдуллина, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.05.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34467-01-R